

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АСПИРАНТСКИЙ СБОРНИК

НГПУ – 2003

(По материалам научных исследований
аспирантов, соискателей, докторантов)

Под редакцией *А.Ж. Жафярова*

Часть 4

НОВОСИБИРСК 2003

ориентация их на будущее также оказывается хорошей поддержкой идее дууму, встревоженному переменами.

Рассмотренные выше стратегии, конечно, не исчерпывают весь спектр возможностей, а лишь являются поводом для дальнейших обсуждений, критики, поисков.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002.
2. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
3. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Прогресс-Юрайт, 1999.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство "АСТ"», 2003.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2001.

Получено 5.10.03

Научный руководитель –
канд. пед. наук, проф.
Н.П. Аникеева

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

№ 947 (571.1) + 908 (571.1)

Е.И. Косякова

(соискатель кафедры отечественной истории)

РАЗВИТИЕ БАННОГО ХОЗЯЙСТВА НОВОСИБИРСКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)

В статье рассказывается о становлении банного хозяйства в г. Новониколаевск (Новосибирске) в дореволюционный период, о его развитии с приходом советской власти. Это хозяйство представлено в контексте эволюции городской повседневности. При написании статьи автор опирался на разнообразные источники, среди которых правительственные документы, старые справочники, воспоминания старожилов города.

Изучение истории повседневности в последние годы стало актуальным направлением научных исследований в России. Однако определение содержания этого, казалось бы, простого понятия, а также структуры повседневности представляет собой актуальную методологическую проблему. Историк Сенинский отмечает, что «на практике повседневность какого-либо общества не может быть изучена во всей полноте из-за масштабности предмета изучения, огромной трудоемкости, несоответствия объема сохранившихся источников объему возникающих проблем и т.д.» [16] Городская повседневность как часть общероссийской повседневности также представляет собой трудоемкую задачу исследования. Поэтому целесообразно при ее изучении выделять в ней определенный структурный компонент, отдельную «матрицу», как говорит Сенинский. Такой «матрицей» может стать городская среда. Однако ее исследование в контексте социальной истории проблематично. Традиционно изучением этой среды занимаются специалисты – архитекторы и градостроители. Современному историку необходимо найти «связующую нить» между городской средой как структурным компонентом городской повседневности и социумом. Такой «нитью» может стать деятельность горожан, направленная на удовлетворение их разноуровневых потребностей.

Обозначенный нами подход не случаен. По словам исследователя (Аболенской), история повседневности ставит задачей анализ мира простых людей, изучение истории повседневного поведения и повседневных переживаний [13, с. 27]. С начала XX в. российская градостроительная теория и практика ищет пути создания такого города, в котором жизнь человека, в т.ч. и повсе-

дневная, станет наиболее комфортной и достойной. Именно с этой целью в нашей стране пытались строить города-сады и социалистические города, перестраивать города по урбанистическим или дезурбанистическим принципам. Концентрация населения в них издавна во многом связана со стремлением людей проще и качественнее реализовать свои потребности. Известно, что в советское время урбанизация искусственно ускорялась, многие крестьяне вынужденно становились городскими жителями, но идеологи советского градостроительства считали, что за короткие сроки удастся создать социалистические города, в которых все будет устроено на благо рабочего люда. Таким образом, город, который сам по себе является одним из символов цивилизованности общества, служит, кроме всего прочего, стремлению людей реализовать их потребности, что проявляется и на повседневном уровне. Под **потребностью** мы понимаем состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития и выступающих источником его активности [7, с. 270].

Потребность человека в чистоте собственного тела относится к группе потребностей биологических, самых элементарных. Ее реализация в условиях городской жизни России конца XIX – первой трети XX в. предполагает посещение бани, которая представляет собой элемент городской среды. Цель данной статьи – раскрыть проблемы банного хозяйства Новосибирска в указанный период в контексте формирования и развития городской повседневности. Исследуя обозначенную проблему, мы должны помнить, что человек и городская среда постоянно взаимодействуют: не только человек влияет на среду с целью удовлетворить потребности, но и она влияет на формирование потребностей населения и их реализацию. Таким образом, связь между человеческими потребностями и городской средой на повседневном уровне выражается, с одной стороны, в целеполагании активности человека по отношению к городской среде, в форме, способе и процессе проявления этой активности, в конечном ее результате; с другой стороны, в состоянии объекта городской среды, в его потенциальных возможностях для удовлетворения тех потребностей, относительно которых он проявляет активность.

Истории банного хозяйства Новосибирска практически не уделяется внимания в краеведческой литературе. О банях нашего города первой трети XX в. кратко говорится в нескольких публицистических газетных статьях. Однако на столичном материале подобные исследования проводились. К примеру, баням Петербурга посвящена книга историка и краеведа И.А. Богданова «Три века петербургской бани» [1]. Это исследование, построенное на разнообразных

источниках, интересно не только богатым фактическим материалом, но и вниманием автора к городской повседневной жизни, к быту горожан, к отдельным проблемам городской инфраструктуры и городской среды Петербурга.

Городская баня как предприятие коммунальное в первую очередь связана с «физической» стороной жизни горожан. Внешний ее вид, запахи и другие характеристики – колоритные черты городской среды первой трети XX в., напоминающие не только о фундаментальных потребностях горожан, но и о том, что город тоже – своеобразное тело, которому свойственны (либо не свойственны) красота и «здоровье». Несомненно, что изучение проблемы телесного в истории повседневности актуально. Историк Ж. Ле Гофф считает, что с «повышением статуса материальной цивилизации» в современной исторической науке должны выделяться новые приоритетные области исследования, к коим относятся и «тело», физические и физиологические аспекты жизни человека [8, с. 208]. Не случайно в последнее время появляются научные исследования, посвященные, к примеру, проблеме запахов в истории культуры [5]. Постмодерн понимает плоть как выражение души [6, с. 65]. Описывая жизнь крестьян восточной деревни Монтайю, Ле Руа Ландюри уделяет пристальное внимание и ее «телесным» аспектам [9]. Выявление взглядов средневековых крестьян на гигиену тела помогает представить их ментальность и образ жизни, ощутить их быт. Взгляд на городские бани Новониколаевска – одна из возможностей увидеть затененные стороны городской среды и городской повседневности.

Наше исследование построено на источниковой базе делопроизводственных материалов, хранящихся в фондах коммунального хозяйства Государственного архива Новосибирской области и Новосибирского государственного городского архива, новониколаевских и новосибирских газет, отчетной статистики, старых справочных изданий, воспоминаний старожилов нашего города.

Уровень развития банного хозяйства в Новониколаевске соответствовал общему уровню развития городского хозяйства. Рост населения и территории города происходил очень быстро, за что он и получил прозвище «Сибирский Чикаго». Однако в условиях новостройки, когда городское хозяйство только формировалось, посещение бань, если верить источникам, сопровождалось многими сложностями. Новониколаевский поселок страдал отсутствием многих очень важных объектов городской среды, как, например, кладбища. Баня тоже была недостаточно.

В «Народной летописи» в 1906 г. сообщили о закрытии «старой бани» Путищевой на Тобизеновской улице [10]. Деревянные стены этой бани местами вывалились, света было мало, воздух отдавал затхлостью, шайки содержа-

лись неопрятно, потолок покрывала плесень, пол был постоянно грязным, из-под полка исходил тяжелый запах из-за не просыхавшей мыльной воды. Очевидно, баня пришла в такое состояние не более чем лет за десять, ведь город был основан в 1893 г. Видимо, банные услуги были очень востребованы населением, потому баня и изнашивалась так быстро. На сведения о других торговых банях, возникших в первые годы существования города, источники скупы, а между тем численность населения еще в 1904 г. составляла 26 267 человек [4, с. 368]. В 1909 г. бани Путинцевой вновь упоминаются на газетной полосе. Итак, баню не снесли. Вероятно, содержание плохой бани было предпочтительнее, нежели ее отсутствие.

К 1907 г. относятся самые ранние сведения о бане предпринимателя Шаапа. Эта баня служила городу долгие годы. Несмотря на то, что содержалась она грязно, новониколаевцы ее посещали, хотя газетчики и сообщали, что шел народ в эту баню только в случае крайней необходимости. В 1908 г. появилась реклама бань, сохранившихся до наших дней – «Федоровских». Они были устроены по западноевропейскому образцу, «с паровым подавателем пара», с электрическим освещением и ваннами. В 1909 г. были открыты новые бани на Обской улице. Бани Куликова на ул. Мостовой в Закамке (современный Октябрьский район) возникли в это же время. Кроме того, в городе открывались и закрывались бани, которые работали без разрешения. В 1909 г. закрыли бани, содержавшиеся грязно и бедно – на улицах Потанинской, Ядринцевской и Логовской.

Чтобы открыть баню, необходимо было получить разрешение, составить и утвердить проект. В 1911 г. утвердили проект бани Екатерины Устиновой на Вагановской улице. Дальнейшая судьба этого заведения нам неизвестна. Еще в городе существовала баня Аносова, баня Князева на ул. Стевенской и баня Пастухова, открытая в Закамке в 1912 г.

По сведениям «Сибирского торгово-промышленного ежегодника» за 1914 – 1915 гг. в Новониколаевске существовало несколько торговых бань (частновладельческих, открытых для всеобщего посещения за плату): баня предпринимателя Шаапа (адрес не указан); баня «Московская» на ул. Гудимовской, в доме 63; баня Пастухова на ул. Стевенской, дом № 60; «Центральная» баня Федорова на Кабинетской улице [16, отд. IV, с. 34]. Возможно, были в городе и другие торговые бани, но нам они неизвестны. Кроме этих, существовали и ведомственные бани, которые не были доступны для всеобщего посещения, например, железнодорожные.

Итак, бань в Новониколаевске было немало. Бани имелись во всех трех частях города: Вокзальной, Центральной и Закамской, однако на окраинах их не открывали. А это значит, что не всем удобно было пользоваться имевшимися, хотя и соседство с баней, как будет видно из дальнейшего рассказа, не являлось для обывателей благом. Неизвестно, имелись ли бани в «нахаловках» – стихийно возникших и незаконно застраивавшихся поселках.

Посещать бани приходилось большинству обывателей, ведь домашних бань в то время в городе было мало. Горожане посещали бани не только с целью утилитарной «помывки». Русская баня традиционно служит возможным местом проведения досуга в выходной день. Кроме обычного парения, которое устраивалось во всех банях города, в некоторых можно было получить и другие удовольствия. К примеру, принять ванну (эту услугу предлагала даже прогнившая баня Путинцевой), в т.ч. и «еврейскую» ванну на 150 ведер воды в «Московской» бане. Подобные услуги, очевидно, привлекали население. Мы не знаем, существовали ли при банях парикмахерские. Известно, что таковые имелись на базарных площадях.

В банях продавали напитки. В «Федоровской» можно было купить фруктовую воду, которая, по сообщению одной из газет, однажды стала причиной отравления посетителя. Продавали и спиртные напитки. В бане предпринимателя Куликова, как сообщали газетчики, часто собиралось много пьяных людей. Упоминались журналистами и проститутки, которых замечали в на ул. Обской. А это свидетельствует о том, что посетитель мог реализовать не только потребность в чистоте, но и потребности иного рода.

Условия мытья в новониколаевских банях заслуживают отдельного описания. Большинство их работало ежедневно. Однако по техническим причинам их посещение в вечерние часы могло обернуться разочарованием. В бане на Обской улице, бывало, к вечеру заканчивалась вода, а в бане Шаапа часто был слабый напор воды. Обыватель мог посетить как общее отделение бани, так и отдельный номер. «Номера» имелись в старой бане Путинцевой, в банях Шаапа и Федорова (24 номера). Известно, что из шести номеров состояла баня Куликова, были номера и на Обской. Однако цена помывки в «номерах» существенно превышала плату за мытье в общих отделениях.

Общие отделения даже в лучшей бане – «Федоровской» – не соответствовали санитарным нормам. Однако и «номера» не всегда отличались чистотой. В бане Путинцевой окна были завешены грязными тряпками, ванны стояли невымытыми, простыни были грязны, а количество их – недостаточным. И в бане Куликова на диванах «красовались» рваные матрацы. Но хозяева старых ново-

николаевских бань все-таки стремились более или менее достойно оборудовать «номера», приобретая венские стулья и кресла, зеркала, плевательницы, бачки для воды.

Баню Шаапа, кроме как за грязь, пресса критиковала за отсутствие решетки вокруг паровика, создававшее риск ожога. Газета «Обь» оповещала горожан об опасных выбоинах в полу и завалах старых веников [13]. Неустanno ругали газетчики баню за отнюдь не вежливый персонал и толкотню. Последнее замечание свидетельствует об активной посещаемости этой бани. Баню Аносова в 1910 г. под давлением санитарной комиссии закрыли на ремонт. Вскоре ее открыли, но новые печи оказались установленными так, что пользование ими представляло опасность для жизни. Вскоре возникла новая проблема: грязной водой из бани затапливались соседние приусадебные участки. В бане вновь было грязно, ход для мужчин и женщин был общим (это неприличное обстоятельство могло оттолкнуть некоторых посетителей), уборная находилась на улице, и, что самое возмутительное, несмотря на распоряжение властей о закрытии бани, она продолжала работать. Другими препятствиями к комфортному мытью в банях могли стать сквозняки и «угар».

Отсутствие в городе водопровода и канализации приводило к тому, что люди, жившие рядом с банями, вынуждены были терпеть определенного рода неудобства, связанные с их работой. В бане Путинцевой не было фильтрационных колодцев, имелись две ямы, полные грязной мыльной воды, которая постепенно стекала по трубе в Обь. А ниже по течению реки жители Вокзальной части города брали воду для питья. Это было чревато возможностью заражения холерой, эпидемия которой случилась в 1911 г., когда ряд очагов заболевания возник именно из-за употребления жителями Вокзального района обской воды [5; 14, л. 1]. В 1900 г. репортеры писали, что фильтрационные колодцы бани Шаапа не соответствовали санитарным нормам, вследствие чего вода в неочищенном виде «вытекала в лог, заражая миазмами окружающий воздух» [13]. Притом, что купец Пастухов был успешным предпринимателем, открывшим в 1910 г. единственный в Сибири солодовенный завод, его баня не отличалась высоким классом сервиса. Свидетельство тому – жалобы жителей Закаменской части города: прямо из бани мыльная вода текла в Каменку. Текла грязная банная вода и из соответствующего заведения на Гудимовской улице.

Итак, до революции гигиенические потребности новониколаевцев и городских бани в полной мере не удовлетворяли. Это особенно отчетливо видно из сравнения со столичным баннным хозяйством начала XX в. В Петербурге насчитывалось 78 бань. В своем большинстве это были каменные здания

с налаженной системой водопровода и канализации. Существовали также бани для малоимущих граждан. При всех удобствах и достоинствах, посещение столичных бань было более дешевым, чем в Новониколаевске тех же лет.

Грязь новониколаевских бань объяснить несложно. Трудно содержать чисто подобного рода заведения, когда в городе нет канализации и водопровода. Высокий уровень обслуживания стоил дорого (бани Федорова), а значит, не был доступен большинству. Народ был вынужден посещать имевшиеся торговые бани. Все это значило, что владельцы дешевых бань не видели коммерческой выгоды в улучшении уровня обслуживания и санитарного состояния их заведений.

После установления советской власти в стране новониколаевские бани национализировали. Бане Шаапа на Семипалатинской улице присвоили номер 1, бане Федорова (ул. Кабинетская, дом 10) – номер 2, небольшой баньке бывшего купца Князева на Стевенской улице – 3, бывшей «Московской» бане на ул. Гудимовской – номер 4. Бань в городе стало меньше, чем до революции. Годы гражданской войны и послевоенной разрухи губительно отразились на состоянии банного хозяйства. Все бани требовали капитального ремонта и пополнения инвентаря.

В условиях разрухи бани не могли предложить посетителям широкий выбор услуг. Горожане в это время, видимо, приходили туда исключительно для мытья и стирки. Парикмахерские при них еще не появились, буфеты не открылись, и дезинфекций («прожарок» белья) большинство бань тоже пока не устраивали. Работали они в начале 1920-х гг. с существенными перебоями. В «Федоровской», которая и после революции оставалась лучшей, из имевшихся 14 номеров постоянно работало только 14. Из-за эпидемии тифа в бане устраивали дезинфекции, что отнимало много времени, а ее пропускная способность снижалась. Это притом, что для гражданского населения баня работала всего 1–2 дня в неделю, она же обслуживала и военных по отдельному графику [2]. Баня № 3 работала в убыток по понятным причинам. Посещать ее после обеда народ не хотел – печи не подтапливали, тепло и пар заканчивались. Кроме того, в бани не было собственного колодца, а значит, и воды не хватало. Часы работы бани № 4 обычно сокращались из-за замерзания труб, недостатка воды и сухих дров. Население города прибывало, а бани работали очень плохо. Кое-кто мог пользоваться и домашними, но это касалось скорее состоятельных людей. На периферийной улочке Бийский Спуск только 23 домовладения из 386 включали баню. Как часто мылись те, кто домашней бани не имел, источники не сообщают.

Мытье в банях Новониколаевска начала 1920-х гг., очевидно, не удовлетворяло потребность обывателя в чистоте. Сами они представляли собой полуразрушенные строения с ограниченными возможностями обслуживания. Однако интересно заметить, что при полном хозяйственном запущении в бане на ул. Советской трудились банщики и банщицы, мывшие посетителей. А в штаб-служаших бани № 4 входила прачка.

При всей плачевности состояния банного хозяйства, в 1920 г. в городе заложили две новых бани. Известно, что строилась новая баня и в 1926 г. Вообще, в середине 1920-х гг. в банном хозяйстве обнаружилось позитивные изменения. В 1928 г. в Новосибирске образовался банно-прачечный трест как самостоятельная хозяйственная единица. В 1930-е гг. количество коммунальных бань колебалось от 3 до 7. Существовали и бани ведомственные. К примеру, в 1932 г. в городе имелось 14 ведомственных бань вместимостью в 380 (по данным другого источника – 305) человек, что не превышало вместимости пары коммунальных бань. Использовались они только рабочими тех предприятий, в ведомстве которых находились. Лишь две бани из них – железнодорожная и Горздрава – время от времени обслуживали всех желающих. Притом, что бани работали по 20 часов в сутки, среднее число помывок на человека в год составляло 11,5 в банях ведомственных и 13,2 – в коммунальных [3, с. 160]. Особенно плохо обстояло дело на городских окраинах, где существовали только ведомственные бани, недоступные всему населению отдаленных районов.

Единовременная пропускная способность бань (относительно численности населения) в начале 1930-х гг. снижалась, ведь количество горожан быстро увеличивалось. В 1936 г. баня насчитывалась 7 с общей пропускной способностью 10 человек в день. Это свидетельствовало о некотором (весьма скромном) прогрессе в сфере банного хозяйства. Тем более что к 1935 г. в банях «улучшилось культурно-бытовое положение», а трест стал перевыполнять планы по пропускной способности. В эти годы в банях можно было не только помываться в лучших санитарных условиях, нежели прежде, но и принять ванну, пройти прожарку вещей от вшей, сидеть в буфете, сходить в парикмахерскую. Разные бани предлагали разные комплексы услуг. Рекламное объявление 1935 г. гласило: «Бани проводят индивидуальную и коллективную помывку, а также санобработку» [11, с. 111].

В банях 1930-х гг. сохранялись общие отделения и появились номера разного уровня комфорта: с ваннами и без, обыкновенные и улучшенные. Мыться в номерах было в 10 раз дороже, чем в общих отделениях. Однако в новых небольших банях номеров не было вовсе. Кроме того, сохранялись банские очереди и толчея, поэтому выражение «банный день» имело буквальный

смысл. В 1931 г., согласно официальным подсчетам, коммунальные бани удовлетворяли около 25% потребностей населения в помывках, а ведомственные смогли принять только 20% потенциальных посетителей [3, с. 160].

Материалы проведенного нами исследования показывают, что в конце XIX – первой трети XX в. состояние банного хозяйства в нашем городе являлось неудовлетворительным. Эта ситуация была характерна для банного хозяйства всей страны. Хотя Новониколаевск, а затем Новосибирск был городом многофункциональным, одним из крупнейших на востоке России и достигал высоких показателей в ряде сфер экономики и культуры, наиболее простые нужды населения удовлетворялись здесь на низком уровне. Результаты нашего исследования способствуют развенчанию мифа о коммунальных благах, которые якобы подарила народу советская власть.

Библиографический список

1. Богданов И.А. Три века петербургской бани. – СПб., 2000.
2. ГАНО, ф. р – 1124, оп. 1, д. 65.
3. Город Новосибирск и район: Экономический справочник. – Новосибирск, 1932.
4. Города России в 1904 г. – СПб., 1906.
5. Запахи в истории культуры. – СПб., 2003.
6. Козловски П. Культура постмодерна. – М., 1997.
7. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского. – Ростов-на-Дону, 1998.
8. Ле Гофф Ж. Историк и человек повседневный // Другое средневековье. – Екатеринбург, 2000. – С. 200–211.
9. Ле Руа Ландори Э. Монтайо, окситанская деревня (1249 – 1324). – Екатеринбург, 2001.
10. Народная летопись. – 1906. – № 52.
11. Новосибирск: Справочник по городу и району. – Новосибирск, 1935.
12. Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Восточный человек в истории. – М., 1990. – С. 182–198.
13. Обь. – 1907. – № 22; № 35; № 36.
14. РГИА, ф. 1288, оп. 9, д. 63.
15. Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX в.) // www.audit.ru.
16. Сибирский торгово-промышленный ежегодник за 1914 – 1915 гг. – Томск, 1914.

Получено 10.10.03

Научный руководитель –
д-р ист. наук, проф.
В.А. Зверев